

УДК 343.241

М.Ю. Шадрин

ОБЩИЕ НАЧАЛА НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В СВЕТЕ ДЕЙСТВИЯ СТАТЬИ 2 КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируется современное состояние конструкций статей 6, 15 и 60 УК РФ и 389.18 УПК РФ. На основе Постановлений Пленумов Верховного Суда РФ и сложившейся правоприменительной практики раскрывается содержание терминов «характер общественной опасности» и «степень общественной опасности», свидетельствующее о разном подходе их оценки в качестве критериев, учитываемых при назначении наказания, и влияющих на справедливость назначенного наказания. Автор приходит к выводу, что принцип правовой определенности, характеризующийся, в том числе, единообразным толкованием одних и тех же норм всеми судами судебной системы и другими участниками правоотношений, не обеспечивается в рассматриваемых нормах, что не способствует справедливости, равенству граждан перед законом и идее правового государства, а норма ст. 2 Конституции РФ носит декларативный характер.

Ключевые слова: категории преступлений, характер и степень общественной опасности, общие начала назначения наказания, справедливость, равенство, уголовное право.

**THE GENERAL PRINCIPLES OF IMPOSING PENALTIES
IN THE LIGHT OF ARTICLE 2 OF THE CONSTITUTION
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

The author analyzes the contemporary condition of the constructs of Art. 6, 15 and 60 of the Criminal Code of the Russian Federation and Art. 389.18 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The Decrees of the Plenary Sessions of the Supreme Court of the Russian Federation and the existing law enforcement practice are used to interpret the contents of the terms “character of public danger” and “degree of public danger”, which testify to different approaches to their assessment as criteria taken into account when imposing a penalty and having an impact on the fairness of punishment. The author concludes that the principle of legal certainty, which dictates, among other things, a consistent interpretation of the same norms by all courts in the court system and other participants of legal relationships, is not supported by the analyzed norms, so it does not support justice, equality before the law and the idea of the law-based state, while the norm of Art. 2 of the Constitution of the Russian Federation has a declarative character.

Keywords: categories of crimes, nature and degree of public danger, general principles of imposing penalties, justice, equality, criminal law.

Статья 2 Конституции РФ высшей ценностью государства устанавливает человека, его права и свободы, закрепляя при этом за государством обязанность по их признанию, соблюдению и защите.

Механизм реализации этой обязанности включает разработку уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства, предусматривающего криминализацию деяний, причиняющих вред личности, ее правам и свободам, установление наказания за такие деяния, выработку процедуры привлечения виновного лица к ответственности и определение порядка исполнения назначенного наказания. Таким образом, назначение наказания лицу, совершившему преступление, является важной составляющей механизма по защите человека, его прав и свобод от преступных посягательств.

Права и свободы человека являются непосредственно действующими и обеспечиваются правосудием. Защита прав и свобод лица от имени государства возложена на суд, и доступ к такой защите не может быть ограничен ни при каких условиях (ч. 3 ст. 56 Конституции РФ). Тем самым, законодатель признает важность судебной формы защиты прав и свобод гражданина, не признавая и не предусматривая иных форм такой защиты.

Суд, являясь по Конституции РФ самостоятельной ветвью власти (ст. 10), призван обеспечить верховенство закона на всей территории страны. Как справедливо указывает академик В.В. Ершов, доктрина «верховенства права» в России еще не сложилась, однако в единой концепции правового государства право должно непрерывно развиваться от меньшей степени определенности к большей [1, с. 367]. Правовая определенность, как необходимое условие

верховенства закона в государстве называется и другими авторами в научной литературе [2, с. 33–36; 3, с. 40–47]. Данный принцип, не смотря на отсутствие его закрепления в УК РФ, на сегодняшний день признается фундаментальным, конституционным и межотраслевым принципом права, как учеными [4, с. 250–256; 5, с. 45–51], так и правоприменителями [6, с. 4–10].

Рассматривая правовую определенность в разных аспектах, профессор М.В. Пресняков с формальной стороны определяет ее как определенность формы выражения законов, материальный же аспект свидетельствует о точности и стабильности приобретенных субъективных прав и обязанностей [7, с. 670].

В свою очередь М.В. Сидоренко отмечает, что правовая определенность проявляется в стабильности и ясности норм права, неизменности правового статуса лиц, а так же в единообразии толкования одних и тех же норм всеми судами судебной системы и другими участниками правоотношений [5, с. 48].

Профессор Л.А. Морозова правовую определенность в сфере правотворчества выражает в формальной определенности, указывая на необходимость применения не только терминов, но общеупотребительных слов ... «в стабильном, строго определенном и установленном для правовых целей смысле» [4, с. 251].

Особый интерес представляет правовая позиция Конституционного Суда РФ, который неоднократно подчеркивал, что ясность, недвусмысленность правовой нормы вытекает из конституционных принципов правового государства, равенства всех перед законом и справедливости¹.

Таким образом, определенность норм уголовного права направлена, прежде всего, на обеспечение и защиту прав и свобод человека, а суд, выступая от имени государства, призван обеспечивать единообразное толкование и применение норм права в указанных целях. Исследование института назначения уголовного наказания, как основного инструмента обеспечения и защиты прав и свобод граждан, свидетельствует о том, что принцип правовой определенности не обеспечен должным образом.

Как известно, ст. 60 УК РФ, предусматривая общие начала назначения уголовного наказания, устанавливает конкретные обстоятельства, учитываемые

¹ По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 87 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации и Постановления Правительства Российской Федерации от 17 июля 2001 года N 538 «О деятельности негосударственных организаций по лоцманской проводке судов» в связи с жалобой международной общественной организации «Ассоциация морских лоцманов России» и автономной некоммерческой организации «Общество морских лоцманов Санкт-Петербурга: Постановление Конституционного Суда РФ от 06 апреля 2004 г. № 7-П // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 15. – Ст. 1519; По делу о проверке конституционности абзаца второго статьи 1 Федерального закона «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан» в связи с жалобами ряда граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 14 апреля 2008 г. № 7-П // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 18. – Ст. 2089; По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 2 и части первой статьи 32 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Красноперова: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 октября 2012г. № 22-П // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 44. – Ст. 6071.

при определении вида и размера наказания лицу за совершенное им преступление. К таким обстоятельствам в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ относятся характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность виновного, смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства.

Буквальное толкование приведенной нормы с очевидностью свидетельствует, что законодатель отчетливо разделяет понятия «характер и степень общественной опасности» и «смягчающие и отягчающие наказание обстоятельства», внедрив их в качестве самостоятельных, отдельно учитываемых при назначении наказания в конструкцию анализируемой нормы.

Анализ ст. 15 УК РФ позволяет сделать вывод, что характер и степень общественной опасности, по мысли законодателя, есть не что иное, как тяжесть преступления, достаточно четко определенная и структурированная по четырем категориям.

К этому же выводу можно прийти при системном толковании норм УК РФ и УПК РФ при рассмотрении справедливости наказания. Так, ст. 6 УК РФ понятие справедливого наказания увязывает с соответствием такого наказания характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Здесь мы вновь обращаем внимание на то, что законодатель разделяет как самостоятельные критерии характер и степень общественной опасности преступления от обстоятельств его совершения.

Ч. 2 ст. 389.18 УПК РФ по общему правилу несправедливым признает наказание, определенное без учета тяжести преступления и личности осужденного. Как ранее уже было отмечено, под тяжестью преступления законодатель понимает характер и степень общественной опасности преступления.

Таким образом, характер и степень общественной опасности, коль скоро именно этот критерий заложен в основу определения степени тяжести преступления, уже учтен законодателем и не подлежит повторному учету. Более того, в целях соблюдения принципа правовой определенности, этот критерий назначения наказания не должен изменяться, и логика здесь проста.

Устанавливая на основе характера и степени общественной опасности содеянного категорию тяжести преступления и очерчивая границы каждой категории с помощью одного из наиболее строгих видов наказаний, законодатель заложил, в общем-то, простую и понятную систему определения пределов наказания за то или иное преступление. Именно это следует из положений ч. 1 ст. 60 УК РФ. Таким образом, каждый гражданин, будь то потерпевший, обвиняемый или иной участник уголовного судопроизводства, как собственно и любой другой сторонний наблюдатель, четко представляли бы рамки ответственности за допущенное нарушение прав, свобод и интересов личности. Невозможность его самостоятельного, произвольного изменения давала ту необходимую предсказуемость и стабильность правового статуса лица, которой характеризуется правовая определенность.

Определив в рамках императивных границ размер наказания еще на стадии квалификации преступного деяния, законодатель позволяет проявлять

диспозитивные начала, обеспечивающие принцип индивидуализации наказания, при учете конкретных обстоятельств совершения преступления, сведений о личности виновного, а также смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств.

В дальнейшем, и судебная практика, и законодатель отошли от этой логики, смешав понятия и термины, чем не способствовали единообразному пониманию одних и тех же норм всеми судами судебной системы и другими участниками правоотношений.

В стремлении истолковать термины, используемые при назначении наказания, Верховный Суд РФ уже в Постановлении от 11 июня 1999 г. № 40² соединил два самостоятельно используемых законодателем термина «степень общественной опасности преступления» и «конкретные обстоятельства совершения преступления».

В дальнейшем законодатель ввел в ст. 15 УК РФ часть шестую, позволяющую судам менять категорию преступления. Причем сделал это, внедрив термины «фактические обстоятельства преступления» и «степень общественной опасности преступления». Первый термин законодателем ранее использовался при описании понятия справедливости наказания в статье 6 УК РФ, а второй уже учитывается при определении категории тяжести преступления в ч. 1 ст. 15 УК РФ. Тем самым законодатель существенно расширил сферу так называемого «судейского усмотрения», и внес в процесс назначения наказания еще больший хаос.

В частности, фактические обстоятельства совершения преступления (например, инициатива и роль подсудимого при совершении группового преступления, размер причиненного вреда или ущерба) учитывались судом наряду с характером и степенью общественной опасности преступления как самостоятельный критерий. Теперь эти же фактические обстоятельства, являясь самостоятельным критерием, стали учитываться и при оценке другого самостоятельного критерия назначения наказания – степени общественной опасности преступления. То же произошло и с категорией тяжести преступления. Если критерий «степень общественной опасности преступления» уже учтен при определении категории преступления, то, как второй раз его учесть при изменении этой самой категории? Отсюда возникают резонные вопросы, когда именно учитывать названные критерии, как это написать в приговоре суда, и не станет ли это лишним поводом к отмене или изменению приговора суда?

Интервьюирование судей Иркутской области показало, что положения ч. 6 ст. 15 УК РФ практикующими юристами применяются неохотно. Большая часть судейского корпуса ни разу не использовала данную норму закона при назначении наказания со дня ее введения в декабре 2011 года до настоящего времени. Предвидим, что подобная картина сложилась по всей стране.

²О практике назначения судами уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 г. № 40 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – №8.

Видимо этим и продиктовано дальнейшее принятие 15 мая 2018 года Пленумом Верховного Суда РФ Постановления № 10³, содержащего попытку реанимировать искусственную, не востребованную на практике и оттого мертвую норму закона. Следует отметить, что выраженное в этом Постановлении объяснение действий законодателя обеспечением принципов индивидуализации, справедливости и гуманизации наказания весьма дискуссионно. Имевшуюся к тому времени определенную предсказуемость, возможность у участников правоотношений предвидеть в разумных пределах последствия своего поведения законодатель подчинил и без того чрезмерно индивидуализированному процессу назначения наказания, сделав теперь это сродни гаданию на кофейной гуще. Идея гуманизации наказания великолепна, как и все остальное, до определенных пределов, поскольку иное может привести к безнаказанности и фактическому отказу государства от своей функции защиты собственных граждан от преступных посягательств.

В расширении «судейского усмотрения» не заинтересованы ни суды, ни стороны в судебном заседании. Как непосредственный правоприменитель, выскажу мнение о том, что практика нуждается не в расширении диспозитивных начал назначения наказания, а в четкости и ясности применяемых норм. Если законодатель, движимый принципом гуманизма, считает необходимым смягчить наказание, он вправе это сделать путем внесения изменений в санкцию конкретной нормы. Формулировать бесчисленное количество исключений из общего правила, порождающих кардинально разные примеры назначения наказания за одинаковые по меркам уголовного права деяния нам видится контрпродуктивным. Именно это и возбуждает недоверие к судебной системе, порождает подозрение в ее коррумпированности, и вызывает у граждан страны ощущение неравенства, в том числе незащищенности малоимущих слоев населения.

Не стало прорывом в определенности права и Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 22 декабря 2015 года⁴. Разъясняя содержание терминов «характер общественной опасности» и «степень общественной опасности» через объект, объективную и субъективную стороны состава преступления, Верховный Суд РФ указывает на включение в оценку «степени общественной опасности» и ряда смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств. При этом никаких упоминаний о том, что под характером и степенью общественной опасности понимается категория преступления, как это было указано в предыдущем Постановлении № 40 от 11 июня 1999 года, Постановление Пленума ВС РФ № 58 не содержит.

Данный нюанс не вносит ясности в картину толкования общих начал назначения наказания, поскольку материальный закон изменений не претерпел,

³ О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 7.

⁴ О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2.

и ч. 1 ст. 15 УК РФ по прежнему содержит зависимость категории преступления от характера и степени общественной опасности преступления. Не уяснили этого и суды, продолжая под характером и степенью общественной опасности понимать категорию преступления.

Так, приговорами одного и того же суда Давыдова и Нохрин были признаны в разное время виновными в совершении одинакового преступления – ч. 1 ст. 264 УК РФ, при одинаковых обстоятельствах – наезд в нарушение требований п.п. 10.1 и 14.1 ПДД на пешехода, причинившие одни и те же вредные последствия – тяжкий вред здоровью потерпевшего. В отношении обоих осужденных дела рассматривались в особом порядке. В отношении обоих осужденных учтены одинаковые сведения о личности – совершение преступления впервые, положительные характеристики. В отношении обоих осужденных не установлено обстоятельств, отягчающих наказание. В отношении обоих осужденных судом признаны одинаковые смягчающие наказание обстоятельства – наличие двух детей на иждивении, причем у каждого один ребенок – инвалид, полное признание вины, активное содействие раскрытию и расследованию преступлений, раскаяние в содеянном, принесение извинений потерпевшим. Что стало причиной назначения разного наказания – Давыдовой в виде 2 лет ограничения свободы без дополнительного наказания, Нохрину – в виде 1 года 6 месяцев ограничения свободы с лишением права заниматься деятельностью по управлению транспортными средствами сроком на 1 год 6 месяцев, неясно. При описании характера и степени общественной опасности преступлений в каждом случае суд указал на небольшую степень тяжести преступления, в отношении Давыдовой отметил неосторожную форму вины и объект посягательства – безопасность дорожного движения и эксплуатации транспорта⁵.

Ни один из составов суда не указал, что именно он учитывает в качестве конкретных обстоятельств совершения преступления, как того требует принцип справедливости (ст. 6 УК РФ) и Постановление Пленума ВС РФ № 58. На наш взгляд, подобный дефицит мотивации как раз и связан с отсутствием ясности и понятности нормы об общих началах назначения наказания.

Подводя итог сказанному, следует констатировать, что конструкции статей о принципе справедливости (ст. 6 УК РФ), о категориях преступлений (ч. 1 ст. 15 УК РФ) и об общих началах назначения наказания (ч. 3 ст. 60 УК РФ) содержат одинаковые термины «характер общественной опасности» и «степень общественной опасности». Вместе с тем, различные подходы к толкованию содержания этих терминов не способствуют правовой определенности в этом смысле и влекут различные, порой в значительном размере, примеры назначения наказания за одинаковые по своим уголовно-правовым критериям преступления в отношении равных с точки зрения уголовно-учитываемых сведений лиц. Таким образом, правовая неопределенность в части общих начал назначения наказания не способствует ни справедливости, ни равенству граждан перед законом, ни

⁵ Уголовные дела № № 1-427-2017 и 1-46-2018 // [Эл.ресурс] Сайт судебных и нормативных актов // sudact.ru (дата обращения 18.11.2018 г.)

идее правового государства. И в конечном итоге приводит к тому, что норма ст. 2 Конституции РФ носит декларативный характер и не обеспечивается государством в должной мере.

Список использованной литературы

1. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений: Монография. – М.: РГУП, 2018. – 625 с.
2. Дикарев И.С. Принцип правовой определенности и стабильность окончательных судебных решений в уголовном процессе // Судья. – 2014. – № 10. – С. 33–36;
3. Анишина В.И., Назаренко Т.Н. Реализация принципа правовой определенности в российской судебной системе // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2013. – № 2. – С. 40–47.
4. Морозова Л.А. Правовая определенность как общеправовой универсальный принцип реализации права // Социально-экономические явления и процессы. – 2017. – Т. 12, № 3. – С. 250–256.
5. Сидоренко М.В. Правовая определенность как фундаментальная общеправовая идея : понятие, сущность и назначение // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 45–51.
6. Бондарь Н.С. Правовая определенность – универсальный принцип конституционного нормоконтроля (практика Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 10. – С. 4–10.
7. Пресняков М.В. Правовая определенность : формальный и материальный аспекты // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2014. – Т. 14, № 4. – С. 669–674.

Информация об авторе

Шадрин Михаил Юрьевич – судья в почетной отставке, 664003 г. Иркутск, ул.Ленина,11; e-mail: Mikhail-urevich@rambler.ru.

Information about the author

Shadrin, Mikhail Yu. – Judge in Honorable Retirement, 11 Lenin st., 664003, Irkutsk; e-mail: Mikhail-urevich@rambler.ru.